

© 2023 г.

С.Я. СУЩИЙ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА (2000–2020-е гг.)

СУЩИЙ Сергей Яковлевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник, ФИЦ Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия (SS7707@mail.ru).

Аннотация. В 1990–2000-е гг. во внешних ориентациях украинского общества опросы фиксировали равновесие двух основных векторов с некоторым перевесом про-российского направления, а в территориальном разрезе была отчетливая поляризация (население западного макрорегиона в значительной степени ориентировалось на Евросоюз и НАТО, востока и юга – на Россию, центра – в обоих направлениях). Последовательно проевропейская ориентация украинской власти и почти всего политического класса, комплексная программа «титулизации» общественной жизни и социокультурного отстранения от России, а также социодемографический фактор (смена поколений) работали на постепенное усиление западного гецивилизационного вектора в общественном сознании населения страны. Катализатором этого процесса стал социально-политический кризис 2013–2014 гг. и последующие события. В середине 2010-х гг. дрейф внешних политико-экономических ориентаций украинского общества в направлении Евросоюза и НАТО заметно ускоряется. Начало СВО становится новым триггером этого системного транзита, фиксируемого всеми опросами 2022–2023 гг. В то же время анализ их результатов позволяет предположить, что, достоверно фиксируя динамические тренды общественного мнения, опросы не выявляли реальные масштабы сдвигов, а по ряду аспектов вообще не давали корректной информации. Опросы, в частности, не в состоянии оценить уровень потенциальной социопсихологической адаптивности региональных социумов Украины, способной проявиться при существенном изменении социальной реальности.

Ключевые слова: украинское общество • социологические опросы • гецивилизационные ориентации населения • макрорегионы Украины

DOI: 10.31857/S013216250026381-2

Постановка исследовательской задачи. Интерес российских социологов к процессам, происходящим в современном украинском обществе, по определению велик. Ведь с середины 2000-х гг. Украина, самое крупное после России по населению и социоэкономическому потенциалу государство постсоветского пространства, неуклонно выдвигалось на позицию наиболее проблемного ее соседа, а после социально-политического кризиса 2013–2014 гг. она окончательно на этой позиции закрепилась.

Это нашло отражение во многих публикациях, касающихся динамики внешних ориентаций постсоветского украинского общества. Так, в работах А.И. Миллера анализируется

влияние исторической памяти на динамику идентичности и геочивилизационные ориентации населения Украины [Миллер, 2008; 2010]. В исследованиях М.В. Масаева и В.Н. Шилова изучаются геополитические предпочтения украинцев в условиях обостряющегося противостояния России и Запада [Масаев, 2011; Шилов, 2014]. Активно анализировались и доминирующие социоментальные установки ведущих национальных групп и макрорегиональных сообществ Украины [Арель, 2008; Сущий, 2015; 2020].

Тем не менее в российском экспертном сообществе и политическом классе (включая его высшие звенья) по-прежнему недостаточно отчетливо представляют доминирующие внешнеполитические ориентации украинского общества, их актуальную динамику, а также структуру в территориальном и социодемографическом разрезе. Как представляется, именно эти лакуны в знании стали одной из основных причин завышенных ожиданий в России (причем даже среди специалистов) поддержки населением Украины – по крайней мере, ее русскоязычных регионов – начавшейся в феврале 2022 г. специальной военной операции (СВО).

Дефицит знания в определенной степени связан с весьма ограниченным использованием российскими специалистами обширного источника информации о постсоветском украинском обществе. Речь об опросах населения украинскими исследовательскими структурами. В 1990-е – начале 2000-х гг. мониторинг социальных процессов осуществляли специалисты Института социологии НАН Украины. С 2000-х активизируется работа ряда других социологических групп и центров – в частности Киевского международного института социологии (далее КМИС), фонда «Демократические инициативы» (далее «ДИ»), центра Разумкова и группы «Рейтинг». Этот социологический материал позволяет не только отследить динамику внешнеполитических предпочтений населения Украины в ее корреляции с основными событиями общественно-политической жизни, но и зафиксировать сдвиги в ориентациях жителей различных макрорегионов, выявить основные причины политической инертности русскоязычного населения юго-востока Украины.

Причины осторожного отношения российских специалистов к материалам украинских социологов вполне понятны. Прежде всего, это – консолидированная с середины 2010-х гг. антироссийская позиция украинской власти и политикума в целом. Социологи не могли с ней не считаться в своей профессиональной деятельности, формируя содержательную повестку анкет и перечень предлагаемых вариантов ответа, фокусируя внимание на отдельных аспектах общественной проблематики или, наоборот, упуская их из виду. Возможности влияния интервьюера на респондента разнообразны и хорошо известны социологам [Schwarz, 1999].

Как и в других профессиональных группах творческой интеллигенции постсоветской Украины, проевропейские ориентации украинских социологов были очевидны, вызывая у российских коллег опасения в возможной исследовательской ангажированности. То, что эти опасения небезосновательны, иллюстрируют сами названия некоторых исследований¹. Наконец, само украинское общество, в условиях возраставшего антироссийского идеологического прессинга, хорошо знало социально «правильные» ответы, что со временем могло начать заметно влиять на результаты опросов.

Сказанное, однако, предполагает не отказ от использования этих «замеров» общественного мнения, но их детальную интерпретацию с учетом обозначенных обстоятельств. Анализируя результаты опросов, выступающих эмпирической базой данного исследования, мы будем далее исходить из презумпции профессионализма и научной честности украинских социологов, т.е. социодемографической и территориальной репрезентативности выборок, а также точности учета ответов респондентов.

¹ Укажем только на два опроса фонда «Демократические инициативы», отчетливо иллюстрирующие его «пронатовскую» ориентацию: «Международный экспертный опрос относительно путей и методов ведения информационно-просветительской кампании “Украина-НАТО”» (8.11.2011); «Украина накануне саммита НАТО в Чикаго: что имеем и на что надеемся!» (17.05.2012).

Период двухвекторного внешнеполитического равновесия украинского общества (середина 1990-х – начало 2010-х гг.). Несмотря на элементы этноцентризма в политике украинских властей с начала 1990-х гг., проблематизировать в общественном сознании украинцев идею системной близости Украины и России не удавалось достаточно долго. На протяжении второй половины 1990-х – первой половины 2000-х гг. опросы фиксировали устойчивую двухвекторную гецивилизационную ориентацию украинского общества – одновременно на РФ и на Европу/Запад. В масштабе всего украинского социума в зависимости от общественно-политической ситуации и динамики внешних взаимодействий мог временно усиливаться один из этих векторов, но в пределах отдельных макро-регионов их доминанта была устойчивой. В начале XXI в. население юга и востока Украины отчетливо ориентировалось на военно-политический и экономический союз с Россией, западного макрорегиона – на интеграцию в евроатлантические структуры, центра страны – в обоих направлениях (рис. 1).

При этом украинское общество демонстрировало высокий уровень гецивилизационной амбивалентности. Около 20% респондентов положительно относились к идее экономического альянса как с Европой, так и с Россией [Социологический мониторинг, 2005]. А в геостратегическом позиционировании 30–40% опрошенных считали наиболее оптимальным вариантом безблоковый статус страны (рис. 2).

Даже после первого Майдана (2004) почти 54% респондентов относились положительно к идее присоединения Украины к союзу России и Беларуси. В то же время мощный «проющенковский» фон президентской избирательной кампании 2004 г. привел к тому, что около 4% опрошенных во время экзитпола в день третьего тура (26 декабря 2004 г.) предпочло скрыть от социологов свою точку зрения². Этот случай наглядно

Рис. 1. Мнения украинцев, следует ли Украине стремиться стать членом НАТО, % респондентов (опрос «ДИ» 20.12.2002)

² Экзитпол, проведенный КМИС, обнаружил перевес В. Ющенко над В. Януковичем в 14,7% (55,3 и 40,6% голосов соответственно), экзитпол «ДИ» – 15,2% (56,5 и 41,3%) (КМИС, ДИ 25.12.2004); в то же время по данным ЦИК Украины расхождение составило только 7,7% (51,8 и 44,1% голосов).

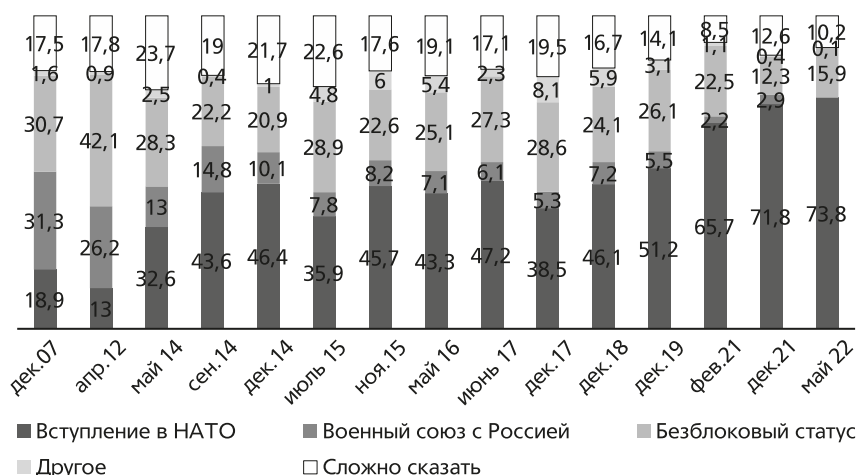

Рис. 2. Мнения украинцев, какой вариант обеспечения безопасности лучше для Украины, % респондентов (опросы «ДИ»)

иллюстрировал возможность заметного снижения репрезентативности опросов в сложной социально-политической ситуации.

Приход во власть прозападной политической команды В. Ющенко в целом почти не сказался на внешнеполитических ориентациях украинского общества. Несмотря на целенаправленную работу власти по системному разведению Украины и России (включая резкую актуализацию темы Голодомора как якобы геноцида украинского народа), опросы фиксировали некоторый перевес населения, считавшего приоритетным восточный вектор во внешней политике и социально-экономических связях. Украина оставалась очевидным гецивилизационным лимитрофом – пространством социокультурного и идеологического взаимодействия и соперничества Европы/Запада и «русского мира».

Высокий уровень поляризации коллективных представлений украинцев по-прежнему имел отчетливо выраженную пространственную специфику. Однако доминировавшее долгое время в российском экспертном сообществе представление о «двух Украинах» и определение юго-востока страны как цельного пророссийского макрорегиона серьезно упрощало реальность. Анализ, совмещающий ряд показателей (удельное соотношение русских и украинцев, русско- и украиноязычного населения, электоральные предпочтения, внешнеполитические ориентации), позволял выделить в составе юго-востока ряд субрегионов, из которых отчетливо россицентричным был только Крым (рис. 3). Но это не отменяет вывода о сохранении на протяжении 1990–2000-х гг. почти «равновесной» гецивилизационной раздвоенности Украины.

В то же время латентная динамика украинского общества и внешнеполитическая обстановка работали на постепенное усиление западного вектора. Значимую роль в этом играл социодемографический фактор. С середины 2000-х гг. во взрослую жизнь начала массово вступать генерация, выросшая в независимой Украине, социализированная по школьной программе, культивировавшей идею ценности украинской государственности, делавшей упор на кардинальных историко-культурных различиях Украины и России. Подспудно вызревавшие в общественном сознании гецивилизационные подвиги являлись одним из результатов естественной смены поколений. В этой связи показательна возрастная структура сторонников пророссийского Таможенного союза и ЕЭС в начале 2010-х гг. (рис. 4).

Сказывалась и постепенно нараставшая эскалация геостратегической напряженности между Россией и «коллективным Западом». Если до середины 2000-х гг. российское и украинское общество, при заметных различиях в своей внешней и внутренней

Рис. 3. Этносоциополитические ориентации региональных социумов «русского» пояса Украины (2000-е – начало 2010-х гг.)

политике, в целом демонстрировали общий дрейф-вестернизацию, то к концу «нулевых» системные векторы развития двух стран становятся разнонаправленными. Украина продолжает ориентироваться на Европу, тогда как Россия, взяв курс на политическую субъектность, оказывается в более растущей конфронтации с Западом.

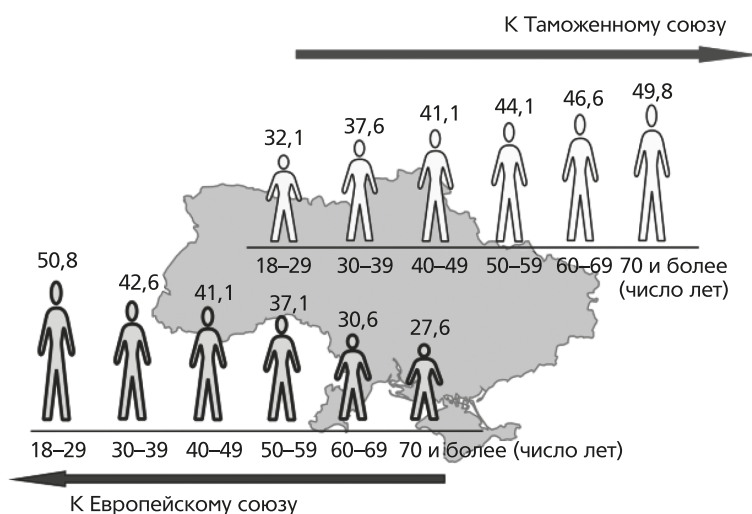

Рис. 4. Геоэкономические ориентации населения Украины разных возрастных групп, % от числа респондентов данного возраста (КМИС, 26.11.2013)

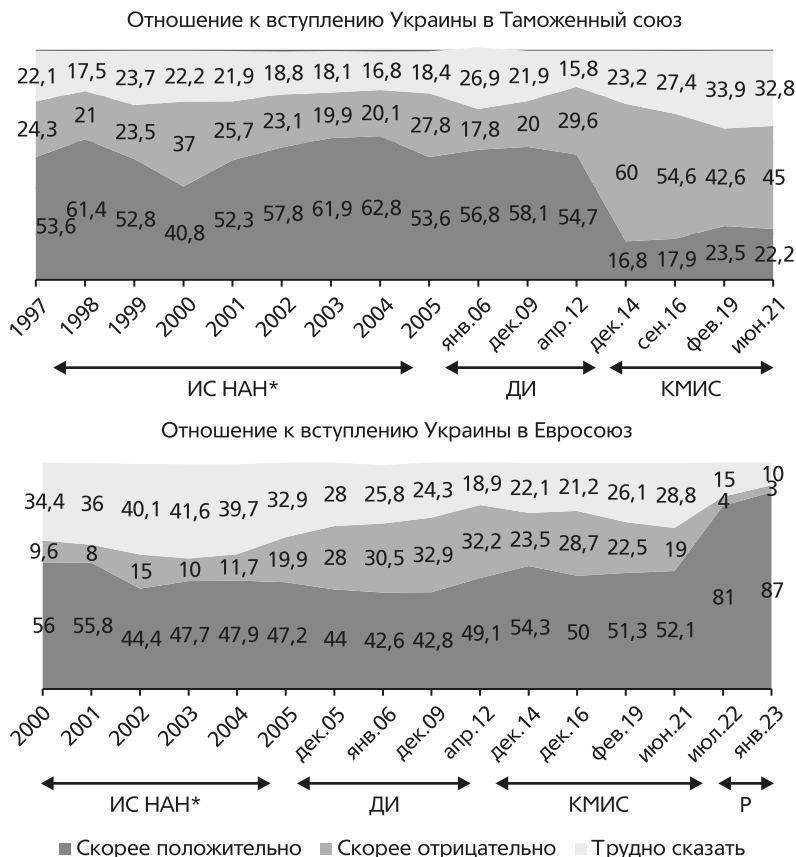

Рис. 5. Геоэкономические ориентации населения Украины, 2000–2023 гг., % респондентов

Примечания. ИС НАН – Институт социологии НАН Украины; ДИ – фонд «Демократические инициативы»; КМИС – Киевский международный институт социологии. *Для 1997–2005 гг. – присоединение к союзу России и Беларуси.

Таким образом, начало 2010-х гг. завершало длительный период равновесия двух векторов, в перспективе 5–10 лет западный дрейф украинского общества должен был стать очевидным. Данный процесс оказался ускорен социально-политическим кризисом, одним из триггеров которого стала непоследовательная политика руководства страны, более двух лет декларировавшего заключение соглашения об ассоциации с ЕЭС, а перед этим событием (Вильнюсский саммит 28 ноября 2013 г.) решившего отодвинуть соглашение на более поздний срок. Осенью 2013 г. доля сторонников евроинтеграции в украинском обществе, впервые за период опросов, превысила долю респондентов, ориентированных на Россию и ее наднациональные структуры. По мере нарастания кризисных явлений в украинском обществе этот разрыв быстро рос, поскольку обвиняемый в коррупции и неэффективный президент В. Янукович ассоциировался именно с Россией. Тем не менее он продолжал оставаться легитимным руководителем страны. Насильственное отстранение его от власти оппозицией (февраль 2014 г.) стало государственным переворотом не только с формально-правовой стороны, но трактовалось как свержение законной власти значительной частью населения юго-востока Украины. События на Майдане оценивали как «вооруженный переворот, организованный оппозицией с помощью Запада», 70,5% опрошенных

в Донецкой области, 61,3% в Луганской, 42,6% в Харьковской, 37–38,3% в Запорожской и Одесской областях [КМИС, 20.04.2014].

Этап доминирования западного вектора (2014–2021 гг.). Асимметричный ответ России (крымский референдум и включение полуострова в состав Российской Федерации) запустил комплекс разнонаправленных процессов. Потеря Крыма, мощное сепаратистское движение на Донбассе и фактический уход возникших народных республик из украинского социально-политического пространства сократили не только демографический, но и общий «россиецентричный» потенциал всей Украины и ее юго-востока. Уже к лету 2014 г. новой украинской власти удалось полностью подавить в макрорегионе (кроме территорий народных республик) протестное движение, репрессировав основную массу активистов «Русской весны».

Установить точные масштабы репрессий на юго-востоке едва ли возможно: достоверная статистика задержанных и пропавших без вести отсутствует. Даже по фрагментарным данным очевидно, что счет в каждом из крупных центров протеста весной 2014 г. шел на многие десятки³. По всему юго-востоку Украины число репрессированных за 2014 г. могло достигнуть нескольких тысяч человек – величина достаточная, чтобы полностью обезглавить пророссийское движение. Сильнейшим потрясением для русскоцентричной Украины стала гибель десятков активистов в Одессе 2 мая 2014 г. А картины разрушенного Донбасса с лета 2014 г. сами по себе являлись самым веским аргументом против любой пророссийской активности. Судьбы повстанческого региона не хотело себе ни одно другое территориальное сообщество русскоязычной Украины.

Очевидная пассивность России, фактически оставившей наиболее преданную ей социополитическую группу один на один с силовым механизмом этноцентричного киевского режима, стала отчетливым сигналом для всего населения русскоязычных регионов о безальтернативности развития их территорий в составе Украины. Набор жизненных стратегий для русскоцентричного населения теперь ограничился тремя вариантами – выездом в Россию, глубокой маскировкой и адаптацией к доминирующей национально-государственной идеологии.

С другой стороны, потеря части государственной территории и успешный сепаратизм Донбасса, за которым абсолютное большинство жителей центра и запада страны видели «руку Москвы», становятся мощным консолидирующим фактором украинского общества. Доля сторонников вхождения в Таможенный союз с февраля по май 2014 г. сократилась на Украине с 37,3% до 27,1% [КМИС, 30.05.2014] и в последующие годы колебалась в диапазоне 17–23%, тогда как население, ориентированное на Евросоюз, составляло 50–55%. Рост прозападных настроений стимулировался превращением Европы в основного торгово-экономического партнера Украины, а также переориентацией заметной части украинских трудовых мигрантов с России на Европу⁴. К концу 2010-х гг. по общему их числу Евросоюз уже заметно превосходил РФ, что не могло не сказываться на внешнеполитических предпочтениях украинского общества.

Тем не менее на востоке страны даже после более чем двукратного сокращения в 2014–2015 гг. сторонники экономического союза с Россией по-прежнему были в большинстве, тогда как в центре перевес европоцентричного населения стал многократным, а на западе Украины – подавляющим. В очевидном меньшинстве в середине и второй половине 2010-х гг. оставались в юго-восточных регионах и сторонники вступления страны в НАТО (рис. 6). Таким образом, при общем прозападном смещении геочивилизационная поляризация населения различных макрорегионов оставалась значительной.

Можно предположить, что фиксируемый опросами 2014–2015 гг. резкий прозападный сдвиг украинского общества определялся не только реальной трансформацией его коллективных представлений, но и возросшим масштабом социальной мимикрии респондентов,

³ Хроника украинского кризиса. URL: <http://ukrainian-crisis.info/protest-na-yugo-vostoke/razvitie-sobytij/page/12/>

⁴ У данного процесса было много причин, в т.ч. целенаправленная работа украинских властей, все более затруднявших выезд в Россию, а также ощущаемое замедление в 2010-е гг. темпов роста российской экономики и появление в 2017 г. возможности трехмесячного безвизового пребывания в Евросоюзе.

Б. Доля опрошенных, выступающих за вступление Украины в НАТО (%)*

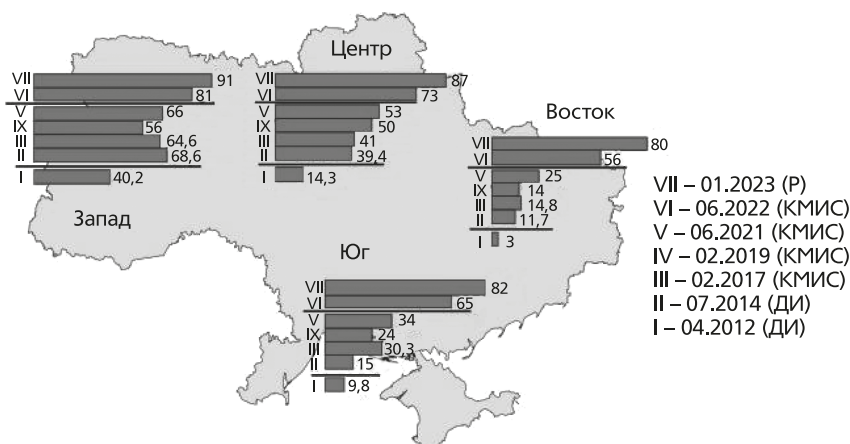

Рис. 6. Динамика внешних ориентаций украинского общества в макрорегиональном разрезе, % респондентов

Примечания. Контур Украины дан в границах на начало периода мониторинга. ИС НАН – Институт социологии НАН Украины; ДИ – фонд «Демократические инициативы»; КМИС – Киевский международный институт социологии; Р – группа «Рейтинг». *Опросы по югу с 2014 г. без Крыма, с 2022 г. без северного Приазовья; по востоку с 2014 г. без народных республик Донбасса.

рост которой в социально-политических реалиях Украины того времени был неизбежен. Некоторое возвратное смещение соотношения двух геочивилизационных ориентиров в конце 2010-х гг. (начало президентского срока В. Зеленского) отчасти могло быть связано именно с «выходом из тени» ранее маскировавшихся сторонников комплексного союза с Россией⁵. Но в целом феномен социальной маскировки в данный период едва ли мог заметно отражаться на репрезентативности опросов. Другое дело, что последние были не

⁵ В то же время более значимую роль в данном процессе, вероятно, играла известная стабилизация ситуации на Донбассе и в российско-украинских отношениях в целом, а также очевидная пробуксовка евроинтеграционного проекта Украины.

всегда в состоянии фиксировать некоторые латентные составляющие коллективных представлений если не всего населения Украины, то отдельных его региональных сообществ.

Иллюстрацией могут служить опросы населения Крымской автономии в 2013 – начале 2014 г. Так, в феврале-марте 2013 г. за государственное объединение России и Украины выступало 18,3% респондентов-крымчан, к концу года их доля выросла до 35,9%, а в феврале 2014 г. – до 41,0% [КМИС, 02.2014]. Логично предположить, при наличии в анкете вопроса о возможном переходе Крыма в состав России доля респондентов, положительно оценивавших такую перспективу, была бы сопоставима с обозначенными цифрами. Между тем на референдуме, проведенном в середине марта 2014 г., за включение Крыма в состав Российской Федерации проголосовало более 90% крымчан⁶.

Нет сомнений, что доля потенциальных сторонников российского статуса полуострова среди его населения на всем протяжении развития Крыма в составе постсоветской Украины оставалась высокой. Однако значительная часть крымчан вплоть до появления «вежливых людей» подобную возможность считала утопией. Только кардинальное изменение социальной реальности выявило их коллективные ориентации. Можно предположить и то, что у большей части местного населения пророссийские ориентации до весны 2014 г. не скрывались, а просто отсутствовали. Однако неожиданно возникшая возможность масштабного социального сдвига заставила оценить его перспективы и соответствующим образом дополнить/скорректировать свои внешнеполитические приоритеты.

Сказанное имеет непосредственное отношение к ситуации на Украине после начала СВО.

СВО и динамика политических ориентаций украинского общества (2022 – начало 2023 г.). Опросы, проводимые социологами Украины после 24 февраля 2022 г., неизменно обнаруживают максимальный уровень консолидации общества вокруг идеи украинской государственности, пиковый рост антироссийских настроений, совмещенный со столь же стремительным подъемом гецивилизационных ориентаций на Европу и Запад в целом. В июне 2022 г. доля сторонников евроинтеграции составляла по всей Украине более 80% (годом ранее – лишь 52%). Показатели разных макрорегионов страны существенно сблизились, прежде всего, за счет значительного роста ориентированных на Европу респондентов на юге и востоке. Значительно выросла доля населения, выступающего за членство Украины в НАТО (в начале 2023 г. хотело бы этого 86% респондентов против 48% летом 2021 г.) (рис. 7), при незначительной вариативности этого показателя по макрорегионам.

Реальный характер данных трендов общественного сознания в условиях активного вооруженного конфликта не вызывает сомнения. Но действительные их масштабы требуют дополнительного анализа – как и некоторые другие фиксируемые опросами особенности коллективной психологии украинского общества. В частности, кажется странным крайне высокий уровень его оптимизма с первых дней проведения СВО, когда динамика конфликта была абсолютно неопределенной. В частности, с 16–17 до 28 февраля 2022 г. доля абсолютно уверенных в способности Украины успешно противостоять России в вооруженном конфликте выросла с 28% до 67% [Рейтинг..., 27.02.2022]. Значимую роль в этом росте могло играть эффективное манипулирование общественным мнением – создание государственной пропагандой картины успешных действий ВСУ, хотя федеральная группировка в это время находилась в окрестностях Киева и Харькова⁷. Можно также предположить, что подобным образом проявился известный «иррационализм» украинского общества – фиксируемая с середины 2000-х гг., но существенно выросшая с начала СВО способность заметной части населения подменять возможные в существующих условиях сценарии социальной динамики психологически комфортным (желаемым) вариантом развития событий, приоритет в общественном сознании эмоциональной компоненты над логико-рациональной.

⁶ Показательно, что даже принципиальные оппоненты Москвы, уличая ее в подтасовках, уверенную победу сторонников государственного транзита Крыма (65–70%) не ставили под сомнение.

⁷ Очевидным образом противоречили фиксируемой опросами абсолютной уверенности украинского общества в военной победе и масштабы паники, выразившиеся в пиковом всплеске миграционной активности (в течение первых недель после начала СВО Украину покинуло несколько миллионов человек).

Рис. 7. Динамика отношения украинцев ко вступлению Украины в НАТО, 2000–2023 гг., % респондентов

Примечания. Контур Украины дан в границах на начало периода мониторинга. ИС НАН – Институт социологии НАН Украины; ДИ – фонд «Демократические инициативы»; КМИС – Киевский международный институт социологии; Р – группа «Рейтинг».

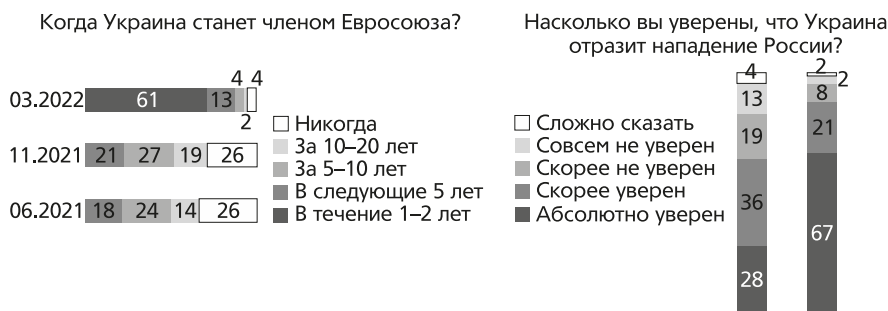

Рис. 8. Рост коллективного оптимизма украинского общества в феврале-марте 2022 г., % респондентов (опросы группы «Рейтинг»)

Максимально отчетливо данная особенность проявилась в ответе респондентов на вопрос о перспективах и возможных сроках вступления Украины в Евросоюз. Если в ноябре 2021 г. почти 50% опрошенных предполагало, что для этого потребуются 3–10 лет, а более 25% было убеждено, что этого не произойдет никогда, то в марте 2022 г. больше 60% респондентов уже было даже уверено, что вступление Украины состоится в течение 1–2 лет (рис. 8).

Алогичность общественного сознания обнаруживалась в сохраняющейся уверенности значительной доли опрошенных в краткосрочности вооруженного конфликта (рис. 9) и его абсолютно благоприятном для Украины исходе. Согласно разным опросам, 2/3–3/4 респондентов на всем протяжении конфликта считали, что страна сможет вернуться к границам 2013 г.⁸

⁸ А согласно опросу «ДИ» 22% респондентов в конце 2022 г. считало, что возможно даже добиться полного военного поражения России и последующего ее распада [ДИ, 12.2022].

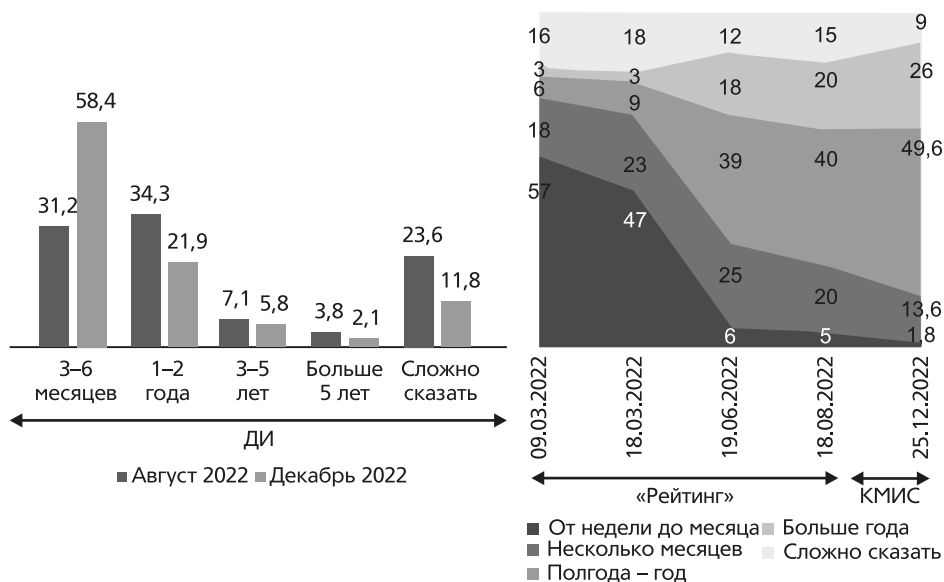

Рис. 9. Мнения украинцев, сколько времени потребуется Украине для победы над Россией, % респондентов

Весомой причиной завышенного оптимизма в оценке возможных итогов конфликта, реального социально-экономического положения Украины и ее дальнейших системных перспектив, возможно, являлось и то, что значительная часть респондентов после 24 февраля 2022 г. стала воспринимать опросы как коллективное публичное действие, призванное консолидировать социум. Но если, отвечая на вопросы, респонденты считали необходимым не выдавать своих личных сомнений и страхов, а «излучать» уверенность, то возникает вопрос: насколько социально репрезентативен такой внешний коллективный оптимизм? в какой степени он коррелирует с «внутренним» общественным мнением?

Например, в первой половине февраля 2022 г. только 25% опрошенных считало, что Украина в целом развивается в правильном направлении, а в марте – уже 76%. В последующие месяцы этот показатель сохранялся на столь же высоком уровне, превысив к концу года 80% [Рейтинг, 20–21.11.2022]. Очевидно, что данный ответ не имеет отношения к оценке обществом *реальной* динамики национальной экономики или социальной сферы, эффективности работы управленческой вертикали или уровне ее коррупционности, но скорее демонстрирует желание публично поддержать власть.

Нельзя забывать и о наличии «маскировочных» ответов, когда опрошенные предпочитали слиться с хорошо известным им мнением большинства. Ранее в моменты обострения социально-политической ситуации на Украине (конец 2004 г., весна-лето 2014 г.) уровень искренности ответов респондентов снижался. В 2022 г. в условиях резкой активизации украинских спецслужб доля опрошенных, опасавшихся продемонстрировать политическую нелояльность, должен был существенно возрасти. По крайней мере один из украинских центров (КМИС) в 2022 г. зафиксировал наличие данной проблемы и через косвенную деперсонализацию ответов респондентов (метод «воображаемого знакомого») однократно попытался определить их истинные взгляды, придя к выводу, что ответы были честными [КМИС, 06.2022]. Но едва ли разовый эксперимент можно считать достаточным. К тому же основная масса имевших точку зрения, отличную от большинства, могла просто отказываться от участия в опросах⁹.

⁹ В этом плане эвристически ценным было бы иметь информацию о частоте отказов – о соотношении опрошенных и «отказников» в опросах, проводившихся до и после 24 февраля 2022 года.

Существенно, что все перечисленные факторы, снижавшие репрезентативность опросов, смещали результаты в одном направлении, т.е. не компенсировали, а увеличивали возникающие погрешности. Это серьезно повышало вероятность заметного итогового расхождения между результатами и реальными коллективными представлениями общества. Не имея возможности детализированного анализа масштабов и специфики этого зазора, есть основания полагать, что после начала СВО он ощутимо вырос и в целом, и в территориальном разрезе.

Самостоятельной проблемой становится и оценка возможных латентных сдвигов общественного мнения, обусловленных масштабной трансформацией самой социальной реальности. Напомним о быстром смещении коллективных представлений населения Крыма в 2013 – начале 2014 г. Интересен в этом отношении анализ опросов 2010-х гг. в регионах северного Приазовья и их сопоставления с поведением местного населения в 2022 г.

Как отмечалось, в 2014 г. Россия позволила украинским властям репрессировать актив пророссийского движения юго-востока страны. Многолетний системный минимализм российской поддержки восточного Донбасса сумел убедить население русскоязычных регионов в безальтернативности полной социопсихологической и идеологической адаптации к реалиям антироссийской Украины. Начало СВО, а затем включение Донбасса и северного Приазовья в состав РФ эту системную альтернативу вращению в Украину вновь актуализировали, создав условия для реанимации геочивилизационной и мировоззренческой лимитрофности («сдвоенности»), отличавших население юго-востока в 1990–2000-е гг. Но к началу 2020-х гг. его пророссийский социально-политический потенциал был сведен к минимуму.

К херсонскому региональному социуму данный вывод относится в первую очередь. Согласно опросу в апреле 2014 г. (пик «Русской весны»), население Херсонской области (наряду с Николаевской и Днепропетровской) являлось наиболее украиноцентричным и проевропейски настроенным в пределах всей русскоязычной Украины. Только 3,5% опрошенных ее жителей хотели бы присоединения области к России, а отрицательно к данному сценарию отнеслось 84,6% респондентов [КМИС, 04.2014]. Жесткая зачистка активных сторонников «русского мира» должна была сократить группу россияноцентричного населения области практически до нуля. В конце 2010-х гг. именно в Херсонской области фиксировались максимальные для юго-востока доли сторонников Евросоюза и респондентов, считавших Россию страной-агрессором (соответственно 40 и 54%) [Рейтинг, 12.2018]. Таким образом, согласно опросам общая база социальной поддержки российской власти в Херсонской области после ее перехода под контроль федеральной группировки должна была быть минимальной. Новым администрациям не приходилось рассчитывать на какую-либо поддержку со стороны региональных социумов, но с гораздо большей вероятностью следовало ожидать с их стороны разнообразного активного сопротивления. Однако социальная динамика области удивила крайне вялым антироссийским протестным движением, единичным числом митингов, их общей малолюдностью, хотя силовые действия в отношении протестующих не применялись. Ограниченными были и масштабы оттока регионального населения весной-летом 2022 г. на территорию Украины, подконтрольную Киеву.

Можно было бы предположить, что основная масса местных жителей оставалась на месте в ожидании прихода ВСУ. Но этому предположению противоречит массовый выезд населения из правобережных районов, оставляемых федеральной группировкой (октябрь-ноябрь 2022 г.) По официальным данным, масштабы этого движения составили 115 тыс. человек, а по оценке губернатора области В. Сальдо – до 150 тыс. Даже если ориентироваться на первую цифру, около трети населения херсонского правобережья осенью 2022 г. покинули территории, в дальнейшем занятые ВСУ. Масштабы движения, как минимум, не уступали предшествующему оттоку на Украину (напомним, речь идет о наиболее украиноцентричном регионе юго-востока).

Аналогичной в 2022 – начале 2023 г. была социальная динамика Запорожья, второго региона северного Приазовья. Должны удивлять не ограниченные масштабы последовательного пророссийского населения (после 30 лет его прямого и косвенного прессинга), а то, что

убежденные сторонники украинской государственности и западного геодивизиационного курса составляли в этом региональном социуме явное меньшинство¹⁰.

Итак, социальная динамика северного Приазовья в 2022 г. указывала на готовность заметной части местного населения адаптироваться к новой реальности, включавшей кардинально иную государственную идеологию и систему геодивизиационных ориентиров. Едва ли здесь корректно говорить о стокгольмском синдроме, на который любят ссылаться украинские и западные эксперты, интерпретируя данные явления и процессы. А если же о нем говорить, то это надо делать в куда более широком системном формате, анализируя социально-политическую динамику всего юго-востока Украины и на протяжении всего постсоветского периода.

В аналитике 2000-х – начала 2010-х гг. общим местом являлась констатация отчетливого контраста – политической субъектности европоцентричного запада и центра страны и явной общественно-политической апатичности ее русскоязычного пояса. Перечислялось множество возможных причин этого явления, среди которых терялась, быть может, главная: жесткая ориентация украинского государства (при всех властных генерациях) на свои украиноцентричные регионы и проевропейские группы населения. Русскоязычное население юго-востока, глубоко укорененное в русской социокультурной традиции и массовый носитель советской надэтнической социоментальной матрицы, становится основным объектом этноцентричных конструктивистских практик украинской власти, интенсивность усилий которых возрастала с каждым десятилетием¹¹.

Данное обстоятельство (имеющее отношение к стокгольмскому синдрому никак не меньше, чем социальная реальность северного Приазовья в 2022 г.) хорошо объясняет, почему радикализм западноукраинских активистов, успешно навязывавших свою позицию всему обществу, не оборачивался открытым сопротивлением демографически и экономически мощного юго-востока страны; почему последний на протяжении постсоветского периода предпочитал не вступать в активную борьбу за свои этнополитические и социокультурные права. Безднадежность такой борьбы (фактически против государства) была ему очевидна. Значительная часть последовательно россияноцентричного населения покинула Украину уже в 1990-е годы. А протестный подъем весны 2014 г., когда все еще многочисленное пророссийское множество юго-востока поверило, что за его спиной Россия («свое государство»), закончился жесткой зачисткой этой социально-политической группы. Это существенно ускорило с середины 2010-х гг. процесс социопсихологической адаптации русскоязычного пояса к реалиям постмайданной Украины (в т.ч. к быстро нараставшей антироссийской составляющей). Население юго-востока отчасти усваивало навязываемую ему идеологию и мировоззренческую парадигму, отчасти маскировалось под сложившийся в украинском обществе идеологический мейнстрим. Поэтому во время опросов заметная его часть в последние годы могла вполне искренне отдавать предпочтение евроинтеграции Украины или даже ее вступлению в НАТО. Но в северном Приазовье это же самое население в 2022 г., после кардинального изменения социальной действительности, начало достаточно быстро и массово адаптироваться к новым социально-политическим, экономическим и социокультурным реалиям. Таким образом, затяжной интенсивный геодивизиационный конструктивизм властей не сумел превратить демографическое большинство приазовских регионов в устойчивых сторонников украинской государственности и прозападного курса страны.

¹⁰ Особенно после того как наиболее украиноцентричная «фракция» (порядка 10–20% местного населения) покинула территории, контролируемые Россией.

¹¹ При этом на протяжении всего постсоветского периода одно и то же протестное действие – например, в Луцке и Донецке – киевской властью трактовалось абсолютно по-разному: в Луцке – законный народный протест («власть додела»); в Донецке – мятеж, прямой повод для организации уголовного дела и жесткой остротки «бунтовщикам». Показательно, как доживавшая в феврале 2014 г. последние недели властная вертикаль «пророссийского» В. Януковича безропотно сносила массовый захват административных зданий на западе страны, при этом предельно жестко реагируя на аналогичные разовые действия населения юго-востока (они классифицировались как терроризм).

Основная причина сохранившейся мировоззренческой и социоментальной пластичности данной наиболее обширной группы местного населения (в первом приближении она может заключать 40–50% жителей северного Приазовья), очевидно, заключается в ее глубокой этнополитической индифферентности, плотной концентрации на своих жизнедеятельных практиках. Возможность полноценного удовлетворения комплекса личных и семейных потребностей у данного населения занимает центр их интересов, сдвигая на периферию проблематику, связанную с мировоззренческими установками или выбором национально-государственной идеологии. Заметим, что проведенные на рубеже 2020-х гг. группой «Рейтинг» опросы населения всех регионов Украины в обиходе проблем, наиболее актуальных для респондентов, неизменно обнаруживали полное доминирование социально-экономической повестки (рост тарифов на коммунальные услуги, низкий уровень зарплат и пенсий, повышение цен на основные товары, безработица, коррупция) [Рейтинг. Портреты регионов, 2018].

Но если жители западного макрорегиона (в значительной степени и центра) увязывали успешное решение данных проблем с геочивилизационным выбором Украины и ее европейским курсом (одна из отличительных черт последовательных украинских «государственников»), то население юго-востока в гораздо меньшей степени было склонно верить в наличие смычки между внешнеполитическим выбором страны и социально-экономическим подъемом (в т.ч. ростом своего личного/семейного благосостояния). Показательно, что именно в регионах юго-востока значительная часть респондентов (30–45%) на рубеже 2010–2020-х гг. считала наиболее оптимальным вариантом развития Украины пребывание вне обоих международных экономических союзов. С учетом затруднившихся с ответом данное множество составляло 50–60% опрошенных (рис. 10). Это указывало как на сохранявшуюся геочивилизационную двоянность коллективного сознания населения юго-востока, так и на второстепенный характер для него навязываемой властью системной альтернативы «Европа – Россия».

Облегчала процесс системной адаптации северного Приазовья к новой социальной реальности с начала 2022 г. и повышенная доля русского и смешанного населения, характерная для всего юго-востока. В середине 2010-х гг. русские и русско-украинские биэтнофоры составляли порядка 55–57% жителей данного макрорегиона, тогда как на западе и в центре страны – только около 9% [Суций, 2020]. Иными словами, адаптация не требовала значительных усилий ни в культурно-языковом, ни в психоментальном аспектах, ни в социально-экономическом плане¹². Повторимся, речь идет не о россиецентричности этой наиболее обширной группы населения северного Приазовья, а о ее повышенной внутренней пластичности, облегченности мировоззренческой и социоментальной трансформации после перехода данной территории под контроль федеральной группировки и последующего ее включения в состав России.

Начало СВО, фактически означавшее, что Россия серьезно включилась в борьбу с Украиной за ее русскоязычный пояс, в той или иной степени могло актуализировать социопсихологическую пластичность и геочивилизационную неопределенность (лимитрофность) и во всех остальных регионах юго-востока. Есть основания полагать, что в Одесской, Николаевской и Харьковской областях доля такого же высокоадаптивного населения, потенциально способного встроиться как в современный украинский, так и российский государственный проект (несмотря на их противоположные геочивилизационные векторы), не меньше, чем в Приазовье.

Речь, однако, идет исключительно о социопсихологической потенции, способной проявиться только при кардинальном изменении социальной реальности, но практически не различимой при сохранении ее текущего варианта. Выявить или как-то ее измерить не в состоянии ни один внешний «замер» коллективных представлений населения. Поэтому есть серьезные основания полагать, что фиксируемый опросами 2022–2023 гг.

¹² После 30 лет раздельного существования по-прежнему сближенными оставались как формы организации управленческих структур Украины и России, так и особенности функционирования основных сфер социальной жизнедеятельности.

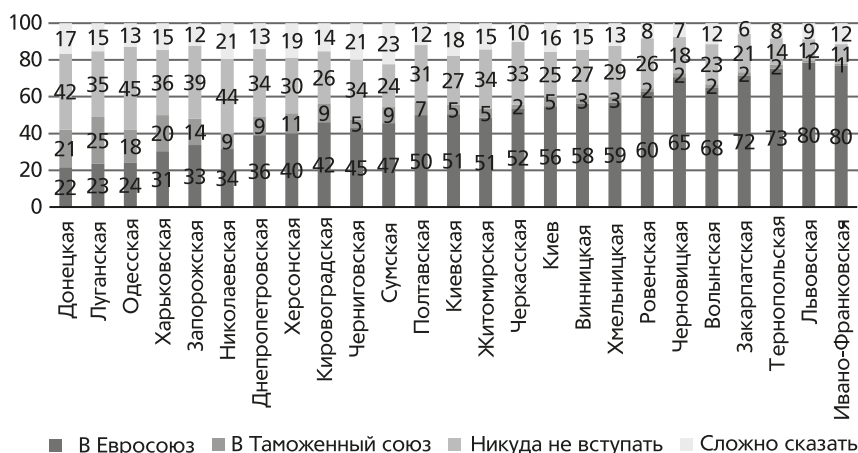

Рис. 10. Мнения, в какой союз вступать Украине, 2018 г., % респондентов

Примечание. Составлено по: [Рейтинг. Портреты регионов. 2018].

сближенный показатель геочивилизационных ориентаций жителей различных макрорегионов Украины (ставший результатом скачкообразного роста сторонников западного выбора страны среди респондентов юго-востока) не отражает серьезных внутренних различий коллективных представлений, тем более – способности русскоязычных региональных социумов к глубокой внутренней трансформации в случае изменения социальной реальности. Очевидно только, что эта потенциальная социопсихологическая пластичность населения разительно ниже в центре Украины, тем более, на ее западе, подавляющая часть жителей которого относится к последовательным сторонникам существующей национально-государственной парадигмы и европейского вектора развития страны.

Выводы. На протяжении 1990–2000-х гг. социологический мониторинг обнаруживал примерное равновесие двух геочивилизационных векторов украинского общества с общим небольшим перевесом пророссийского направления и отчетливой территориальной поляризацией (запад Украины ориентировался преимущественно на Евросоюз и НАТО, восток и юг – на Россию). Но комплекс факторов работал на постепенное усиление западного вектора: прежде всего – прозападный курс украинской власти, последовательно реализовавшей комплексную программу титулизации общественной жизни страны и ее социокультурного отстранения от России, а также появление обширного постсоветского поколения, прошедшего социализацию в условиях нарастающего системного отчуждения Украины и России.

Катализатором усиления западного тренда стали социально-политический кризис 2013–2014 гг. и его последствия. Выход из состава страны Крыма (фактически – и восточного Донбасса), значительно сократив демографический и социально-политический потенциал русскоцентричной Украины, способствовал консолидации украинского общества на антироссийской платформе. Усиливали западный вектор и торгово-экономическая переориентация Украины с РФ на Евросоюз, превращение Европы в основное направление трудовой миграции украинцев. Но на юго-востоке Украины сторонники экономического союза с Россией и противники вступления в НАТО по-прежнему были в большинстве, так что геочивилизационная поляризация макрорегионов оставалась значительной.

Начало СВО стало новым триггером западного дрейфа украинского общества. Опросы 2022–2023 гг. фиксируют масштабный подъем гражданского патриотизма и рост проевропейских настроений. Анализ результатов данных опросов позволяет предположить, что они, хотя и достоверно фиксировали тренды общественного сознания, однако не могли выявить их реальных масштабов, а по ряду значимых аспектов вообще не давали

корректной информации. Можно также констатировать, что с 2022 г. опросы, сократив свою ценность как достоверные источники информации о динамике общественного мнения украинцев, ощутимо нарастили пропагандистский функционал. Фиксируемое ими резкое сближение внешнеполитических ориентаций населения всех макрорегионов Украины может не означать аналогичного сокращения различий коллективных представлений. К тому же опросы не в состоянии выявить реальный уровень геочивилизационной пластичности и потенциальной системной адаптивности региональных сообществ юго-востока в случае кардинального изменения их социальной реальности.

Дальнейшая эволюция внешнеполитических ориентаций населения русскоязычного пояса Украины будет в определяющей степени зависеть от динамики СВО и ее итогов. Можно прогнозировать, что территориальные сообщества юго-востока, оставшиеся на Украине, власть которой сохранит преемственность с современным режимом, с большой вероятностью будут окончательно социопсихологически интегрированы в украинский социум, консолидированный на антироссийской платформе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арель Д. Украина выбирает Запад, но без Востока // Pro et Contra. 2005. Т. 9. № 1 (28). С. 39–51. «Демократические инициативы». Опросы. URL: <https://dif.org.ua/category/opinion-polls> (дата обращения: 12.02.2023).
- Киевский международный институт социологии. Пресс-релизы и отчеты. URL: <https://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports> (дата обращения: 11.02.2023).
- Масаев М.В. Геополитическое будущее Украины. Выбор Украины в цивилизационных координатах: «талассократия» – «теллурократия» // Ученые записки Таврического национального университета. Сер. «География». Т. 24 (63). 2011. № 2. Ч. 1. С. 99–104.
- Миллер А.И. Прошлое и историческая память как факторы формирования дуализма идентичностей в современной Украине // Политическая наука. 2008. № 1. С. 83–100.
- Миллер А.И. Политика строительства нации – государства на Украине // Политическая наука. 2010. № 1. С. 76–99.
- «Рейтинг». Исследования. URL: <https://ratinggroup.ua/ru/research/> (дата обращения: 12.03.2023).
- Социологический мониторинг. Украинское общество 1994–2005: год перелома. Киев, 2005. URL: https://socioline.ru/_seminar/library/misc/panina_vvedenie.php (дата обращения: 28.02.2023).
- Суций С.Я. Русский мир Украины. Реалии и перспективы постсоветского периода // Свободная мысль. 2020. № 5. С. 137–160.
- Суций С.Я. Украина – Россия – Мир: до и после 2014 года (некоторые аспекты взаимодействия). М.: Ленанд, 2015.
- Шилов В.Н. К вопросу о геополитической ориентации современной Украины // Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. 2014. № 1. С. 184–191.
- Schwarz N. Self-reports: How the questions shape the answers. American psychologist. 1999. Vol. 54. № 2. P. 93–105.

Статья поступила: 21.03.23. Финальная версия: 27.04.23. Принята к публикации: 03.05.23.

SOCIOLOGICAL MONITORING OF THE EXTERNAL POLICY ORIENTATIONS OF UKRAINIAN SOCIETY IN THE 2000–2020s

SUSHCHIY S.Ja.

Federal Research Centre the Southern Scientific Centre RAS, Russia

Sergey Ja. SUSHCHIY, Dr. Sci. (Phil.), Chief Researcher, Federal Research Centre the Southern Scientific Centre RAS, Rostov-on-Don, Russia (SS7707@mail.ru).

Acknowledgements. The publication was prepared as part of the State Assignment of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences. Project 122020100349-6.

Abstract. In the 1990s–2000s, in the external orientations of Ukrainian society, polls recorded a balance of two main vectors with a certain predominance of the pro-Russian way. In the territorial viewpoint we could state a distinct polarization – the population of the western macroregion was largely oriented towards the European Union, the east and south regions – towards Russia (and the interstate structures it created), the center – in both directions. Consistent pro-European orientation of the Ukrainian government and almost the entire Ukrainian political class, a comprehensive program of “titling” of public life and socio-cultural exclusion from Russia, as well as a socio-demographic factor (change of generations) worked to gradually strengthen Western geo-civilizational vector in the public consciousness of the country’s population. The catalyst for this process was the 2013–2014 socio-political crisis and a number of subsequent events caused by it. In the mid-2010s the drift of the external political and economic orientations of Ukrainian society towards the European Union and NATO was noticeably accelerating. The beginning of the SMO becomes a new trigger for this systemic transit, recorded by all polls in 2022–2023. However, our analysis of their results suggests that while reliably recording the dynamic trends in public opinion, the polls did not reveal real extent of those shifts, they also did not provide correct information about the population’s perceptions on a number of aspects of the political and socio-economic dynamics of Ukraine at all. The radical external convergence of geo-civilizational orientations of the inhabitants of the country macro-regions does not mean an equally tangible reduction of diversities in their collective ideas. It is also significant that polls are not able to assess the level of potential socio-psychological adaptability of individual regional communities in Ukraine, which can surface only with a significant change in social reality.

Keywords: Ukrainian society, sociological surveys, geo-civilizational orientations of the population, macro-regions of Ukraine.

REFERENCES

- Arel D. (2005) Ukraine chooses the West, but without the East. *Pro et Contra*. Moscow. Vol. 9. No. 1 (28): 39–51. (In Russ.)
- “Democratic initiatives”. Surveys. URL: <https://dif.org.ua/category/opinion-polls> (accessed 12.02.2023). (In Russ.)
- Kyiv *International Institute of Sociology*. Press releases and reports. URL: <https://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports> (accessed 11.02.2023). (In Russ.)
- Masaev M.V. (2011) The geopolitical future of Ukraine. The choice of Ukraine in civilizational coordinates: “thalassocracy” – “tellurocracy”. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta* [Scientific notes of the Tauride National University]. Geography series. T. 24 (63). No. 1. Ch. 1: 99–104. (In Russ.)
- Miller A.I. (2008) The past and historical memory as factors of the formation of identity dualism in modern Ukraine. *Politicheskaya nauka* [Political Science]. No. 1: 83–100. (In Russ.)
- Miller A.I. (2010) The politics of nation – state construction in Ukraine. *Politicheskaya nauka* [Political Science]. No. 1: 76–99. (In Russ.)
- “Rating”. Researches. URL: <https://ratinggroup.ua/ru/research> (accessed 12.03.2023). (In Russ.)
- Schwartz N. (1999) Self-reports: how questions form answers. *American psychologist*. Vol. 54. No. 2. P. 93–105.
- Shilov V.N. (2014) On the question of the geopolitical orientation of modern Ukraine. *Nauchnye vedomosti* [Scientific Vedomosti. History series. Political science. Economy]. No. 1: 184–191. (In Russ.)
- Sociological monitoring. Ukrainian society 1994–2005: the year of the turning point*. (2005) Kiev. URL: https://socioline.ru/_seminar/library/misc/panina_vvedenie.php (accessed 28.02.2023). (In Russ.)
- Suschiy S.Ya. (2020) The Russian world of Ukraine. Realities and prospects of the post-Soviet period. *Svobodnaya mysl'* [Free Thought]. No. 5: 137–160. (In Russ.)
- Suschiy S.Ya. (2015) *Ukraine – Russia – the World: before and after 2014 (some aspects of interaction)*. Moscow: Lenand. (In Russ.)

Received: 21.03.23. Final version: 27.04.23. Accepted: 03.05.23.